

Виктор Брусницин

Петька счастлив

Виктор Брусницин

Петька счастлив

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Брусницин В. М.

Петька счастлив / В. М. Брусницин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Посещение в шестидесятые годы Фиделем Кастро закрытого тогда города Свердловск. Некий журналист из его свиты посетил игрой обстоятельств простую советскую семью. Посещение вылилось в забавные приключения, рассказанные с точки зрения одиннадцатилетнего парнишки, члена этой семьи.

© Брусницин В. М., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Скажем, живете вы в нескучном городе Москве. Тут министр и другой председатель, там хлеще – иностранец; витрина, авто и прочий шик – никакого приключения. А поместите себя в Свердловск, да в зачаток шестидесятых – роман.

Под военные мероприятия запихнули в местечко всю военную промышленность России. При пушке и мыслительный человек мелькнет. Обнесли город пряслем – живи, молчи. А какое молчи, когда пушечный станок на себе беременная баба перетаскивала. Вот два десятка годков минули и вылупился смешливый и резвый народ. Куда девать? Поставили университет, другой институт. Мама родная – никак консерватория за углом мутнеет. Роман, словом.

Но до беллетристики ли советскому пионеру Петьке Васильеву, если Гитара в должности. Пакость и оторва, из последних первая, и нипочем, что географией заведует. Гитарой нарекли, понятно, из-за рельефной конфигурации туловища. Замечательно известно, контур – единственная симпатичная принадлежность учительки, как и то, что явление не освободит Петю от родительского возмездия.

Суть эксцесса. Идет объяснение материала, где упоминается сельдь. Петя добросовестно спрашивает:

– Марья Даниловна, а селедку из моря добывают соленую или нет?

Ответ таков:

– Ты что, Васильев, издеваешься?

И ведь он прощен, отвращает гражданка милостивый взгляд и посторонние слова классу впихивает. Нет же, лукавый, вожа, прерывает Петя благообразную речь учительницы:

– Так я не понял, соленую или нет?

Закрывает устало мадам глаза и устно выражает желание лицезреть родителей... Оно, конечно, донял сегодня Петя инструментарий, вел себя на уроке вызывающе и вообще наворотил, но как не понимать, что поведение парня суть происки естественного ликования... В чем оказия? Получите. В наш закрытый, героический город завтра приезжает не какой-либо гражданин иностранного производства, а самый природный... Фидель Кастро... А!? Как вам форс-мажорец!?

Петя понуро идет домой. Чем Гитаре вопрос не понравился?.. Впрочем, не впрямь ли глуп? Взгляните, море соленое – стало быть, и селедка аналогична. Вот дурак, как сразу не допер! Хм, опять же морской окунь, мучицей обвяленный, объеденье и смак, отнюдь не таков. Беда, чего-то Петя недопетривает.

Ох не время сообщению, намедни докуку родителям уже учинил. Поцапались с одним парнем, зарядил Петя тому для соразмерности обстоятельств. Ну, припухло око – нет, приволоклась мамаша, наворотила несусветного. Соболезнования ради родная маман «профилактику» (метр-палку изрядной толщины) о Петин организм надвое сокрушила. Нда! Прискорбные предметы надо для сохранности припрятать – скоро на мзду родительница... Ну разумеется – вся местная птица дохает, один дикий голубь прошумел, и тот умудрился Пете на плечо напакоstitь. Да добро бы голубь, а то, поди, ворона.

Впрочем, одиннадцать лет, какие могут быть страдания? Вот промахнул, рывкнув приветливо, косою грузовичок, отдавая вкусятиной выхлопа, вон шляется в густом небе чумазое, в потеках, дикое облако, – а не корявая ли фигура Вовки Мочалова неприкаянно маячит в перспективах?.. Собственно, о чем голове болеть: не сообщать о вызове можно часов до восьми вечера. Наказание, которое можно ожидать сегодня, это угол. Ну, угол! Вы ж прикиньте, есть старшая сестра Марина, по которой сходят с ума (дурные же головы) парни. На волейбольной площадке, что перед окном Васильевых, молодежь будет шуровать, выпендриваясь перед Маринкой, которая что коза скачет тут же. Петя станет очень спокойно слушать Эмиля Горовца или Жана Татляна, которые наяривают из васильевского проигрывателя, что стоит на табурете возле площадки и работает через удлинитель, проведенный как раз в угол к

Пете. Поставят, наконец, пластинку, где Магомаев затеет задорно страдать: «Марина, Марина, Марина». Малый выдернет штепсель, и когда сеструха подбежит к окну, требуя прекратить безобразие, любимый братец дополнит Муслима: «Чего ты лежишь, как перина». Это ли не компенсация злключений?.. Да помилуйте, какие еще преамбулы, когда грядет Фиделиус!

Приходит Петрушка домой, тщательно делает уроки. Родители вечером, конечно, обсуждают завтрашнее событие. В самый пик восторгов относительно геройства кубинского народа Петька мимоходом бросает:

– Пап, завтра тебя чо-та географичка вызывает.

Отец издевательски интересуется:

– И с каких шанег я чо-та ей понадобился?

Петя рьяно бухтит, обозначая последнюю степень несправедливости:

– Я спрашиваю, селедка в море соленая или нет? Она – родителей.

Батя распрямляется, рывкает:

– Дурочка-то валять не будем! Живо мне доклад!!

Взгляд Пети шныряет:

– А чо! Жукова обзывалась, обзывалась... я нечаянно ручкой махнул... на нее капнуло чернилами.

Отец свирепо узит глаза, сопит, что инспирирует укоризненно-покаянные слова сына:

– А чо. Колька Малахов обзывался, обзывался... я тоже обозвал... а он нажаловался.

– Как обозвал? Дословно попросил бы.

Петя бурчит:

– Не помню. Малуха, кажется.

– Повторя-яю вопрос, – вкрадчиво поет родитель, без сомнения, зная ответ.

– Не помню... Малоухов, вроде, – слабозвучно кочевряжится Петя.

– Последний раз спрашиваю.

– Малоухов, – уронив голову, шамкает Петя.

Этот ответ, видимо, полностью устраивает старшого, ибо скользит усмешка. Однако из педагогических соображений он скребет в затылке, шмыгает носом и определяет:

– Хот же морока – в угол.

– Да поест сперва! – сердито мирволит мать.

Васильев подмигивает Пете.

Здесь нужно пояснить. Действительно, взаимные искажения фамилий имеют место, и причиной следует зачесть совершенно творческую натуру Петра. Дело началось с одного урока по русскому языку. Ищущая учительница предложила однажды написать сочинение на тему «Зима», используя для отыскания образа любую форму. Петя замыслил соорудить сочинение в виде поэмы, что и не преминул сделать. Вот она:

– Наступила зима, закружили метели. Уже пожелтели зеленые ели.

Собственно, и все, дальше история совершенно не трогалась, как Петя ни прикладывал разные сочинительские средства вплоть до вдохновения. Честно признать, и «пожелтели ели» было как-то сомнительно, но, во-первых, никакие другие глаголы сюда просто не вставлялись, во-вторых, наделить хвойные свойствами лиственных смело и достойно, наконец, здесь присутствовало нечто экзотическое – словом, бросать найденный образ Пете дюже не хотелось. Короче говоря, поэму Петя все-таки обнародовал, что со стороны класса и учительницы имело очень вялый отклик, но получило мощный резонанс от загадочного вражины Кольки Малахова, который не замедлил наделить Петю обиднейшим прозвищем Петя-еле-еле. Естественно, оставить происки безнаказанными наш оголец не мог. В результате и получилось то что получилось. И согласитесь, хоть творческие поиски Пети пошли в поле прозы, образ получился чрезвычайно убедительный.

Утром вся школа взбудоражена. Учителя пересказывают этапы кубинской революции. Призывы учиться и трудиться благотворны... Полдень. Пропасть народу сосредоточилась на площади перед Политехническим институтом. Юркие пацаны продрались в первые ряды, крутят головами на рассуждающих в ожидании героев людей.

– Кто из Политбюро сопровождает, не слышали?

– Как же – Громыко!

– Погодка, однако, как по заказу.

– Словно сдурели. Будто, понимаешь, представление цирковое, – гундосит пастозный дядя в панаме, теснимый студентами.

– На сахарных плантациях мужик вроде работал – оттуда бодягу затеяли.

– Нда, кубинским и питаемся – а свекольный-то послаще будет.

– Товарищ, не давите мне на бюст! – сетует дама в воскресном крепдешиновом платье с брошью.

– А я слышал, боксер был, профессионал.

Дама ерничает:

– Да что вы говорите?! (Снисходительно) Кастро – адвокат! Из приличной семьи, между прочим.

Петя интернационально косится – еще одна Гитара!

– Я вам доподлинно скажу: наш он, засланный – у моей золовки брат в кэгэбэ работает!

Между прочим, у Фиделя фамилия – Кастро Рус.

– Это вы на Рус намекаете? Как насчет Кастро?!

– Не курите мне в нос, юноша!..

Вскоре набегают волна ликующих возгласов, переходя в мощный ор. Взлетают руки, вспыхивают глаза – появляются три ЗИМа. В первом стоит Фидель, проталкивая сквозь курчавую бороду усталую улыбку и степенно покачивая опрятной, небольшой ладонью возле плеча. Шквал восторга взрывает народ, Петька заходится в неистовом крике: «Урра!!!»

Веселое топанье домой в месиве разгоряченных, захлебывающихся ребятишек.

– А я как заору-у! А Фидель как посмотрит на меня и рукой ка-ак махнет!

– А я, а вот... а на второй машине Рауль ехал!

– Пестик в кобуре видел у него? Заряженный!

– Да у него в машине еще автомат лежал!

– Врать-то не колеса мазать!

– Я видел! Спорнем? Он всегда с автоматом ездит!

И плывет народ по улицам празднично. Вон и отец Петин с дядей Лешей Шамриным и супругами Трисвятскими. Похоже, предстоит «расслабёжь».

Васильев – бывший старшина, демобилизованный в пятьдесят пятом. Соседи, они же друзья родителей, тоже бывшие или настоящие военные, потому что городок, десяток с небольшим двухэтажных домов, прежде был военной частью. Теперь армейское бытие ушло, но жизнь по-прежнему на виду. Если Васильев топает с дядей Лешей и дядей Колей и возбужденно что-то обсуждает – помимо, мама дежурит в медчасти – значит, на географичку сегодня посмотрим с высокой колокольни. И что бы Петя делал без кубинской революции.

Следующий день сер и неопрятен. Все обсуждено вчера, жизнь валится в обычное русло. Географичка бубнит про Средне-Русскую возвышенность, на которую Пете глубоко плевать, и из хмурого ока зловредно выстреливает в очаги класса, где намечается малейшее оживление. Бодро выговаривает в конце урока:

– Однако, я что-то не видела вчера твоих родителей, Васильев. Ты, вероятно, считаешь, что я сама могу прийти? Ну что ж, я могу!

– Завтра, – бурчит Петя.

– Сегодня, Васильев! Я долго в школе задержусь. Ты меня понял?

Парень кивает головой – он давно Гитару понял.

Опять скорбно идет домой Петро, стоически неся тяжкий крест и мстительно мечтая: «Вот случись сейчас какая-сякая революция, да раздобудь он автомат. Ох, Гитара! Ну, Гитара!..» Жизнь, однако, берет свое, и позывной свист дворовых ребят бросает тело к сметающим все невзгоды утехам. Ликующе проследив, как ловко брошенный портфель смачно плюхается в угол, сорвав школьную форму и запихивая в себя кусок хлеба с маслом, посыпанный сахаром, бежит Петя на улицу. Вон Вовка Мочалов машет рукой нетерпеливо – кажись, светит дело. Приятель тащит Петю к заросшему пустырю за бараками. Здесь собралось все дворовое кодро. Мамочки родные, у Сереги Плотникова и Герки Панишева, по кличке Чипа, шестнадцатилетних подростков, по паре настоящих боксерских перчаток.

Наши дружки допущены к подлинно мужскому делу в четвертой связке. Вовка сильней, зато Петя ловчей. Бац! бац! на!.. хук левой, апперкот по поджелудочной – лопаются удары. Петя приноровился окучивать неуклюжего друга-соперника градом выпадов. Он заправски прыгал, рисуясь и опуская руки. Тут и брызнул ему Вова практически не видя, наугад, неловко и сильно полоснув по губам шнуровкой. Набатный звон в голове, радужная рябь в глазах и вкусная солено-сладкая кровь.

А через полчаса прибегает Васька Трисвятский с настоящим ниппельным мячом, который привез отец из столичной командировки. Что такое разбитые губы, когда есть пустырь, очень пригодный для футбольной баталии. Вы говорите, на пустыре лужа? Бросьте, что за пустяк!.. В разгар игры Вовка усматривает родителей.

– Мать, блин, идет. Я домой почапал.

– Во влип, – спохватывается Петя: через полчаса приходит отец.

Парень добросовестно бежит домой. Возле дома останавливается, рассматривает ситуацию. Уроки не сделаны, губы разбиты, сам с головы до ног грязный (насчет лужи вы оказались правы), и до кучи вызов школу. Труба!

Петя толкает дверь, она открыта – выходит, мать или, еще хуже, сеструха дома. Эта всегда отцу накапает. Ну точно, раздастся смех Марины. Вот лошадь, только бы ржать. Значит, дома кто-то из ее хахелей – сейчас начнет из себя строгость изображать. Петя принимает смиреннейший вид. Вздыхает обреченно, открывает дверь в комнату. И...

В глаза ахает сидящий на диване молодой великолепный лилово-черный негр. Еще раз: на диване сидит великолепный лилово-черный негр!.. Реальный, аутентичный, какой хотите, – со смоляными кучерявыми волосами, ослепительными, будто первый снег, зубами, глазами, напитанными бушующим блеском... И почему-то в очках – этого представить в принципе невозможно.

– У-у, – раздастся рокочущий голос, – советски пайонер!.. – То есть он еще и говорит...

Итак. Незамысловато обставленная советская комната. Диван, прижатый к ковро о трех утренних медведях в сосновом бору. Негр! Петя в глубоком нокдауне... Рядом с чудом расположен один из Марининых приятелей Серега, по другую сторону – ее подружка Нина. Марина и еще парень, Саша Орлов – напротив, на стульях. (Саша и Серега – студенты третьего курса политехнического.)

– Да проходи же, – масляно улыбаясь, поет сестрица, но тут же хмурится. – А чумазый-то! Где тебя так угораздило? Вот олух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.